

Миссис Клаус и Рождество.

Иногда Рождество - не самый светлый праздник. Множество людей по всему миру ждут Рождество. Но представьте ситуацию, где вы на протяжении многих лет ненавидите день, который наступает каждый год. Вы не просто ненавидите Рождество, вы ненавидите и детей, и всю эту нарядную мишуру, колючие елки и, наконец, этих маленьких, везде бегающих эльфов. Только вам нельзя не любить Рождество. Вы – часть праздника.

Элеонора сидела на краю своей кровати, поправляя наспех собранный пучок волос. Ее губы поджались в недоброй улыбке, будто бы ее заставили улыбнуться для семейной фотографии. Элеонору никто не заставлял, она просто натянула на себя гримасу счастья и повернулась к мужу. Санта спокойно похрапывал, подложив руку под щеку. Одеяло и спальный колпак приподнимались и дёргались при каждом храпе, но мистер Клаус так сладко спал, что столь раздражающий звук совсем не доставлял миссис Клаус никакого недовольства. Посмотрев на него, её лицо озарилось настоящей улыбкой.

– Доброе утро, Санта Клаус, - прошептала Элеонора, наклонившись к мужу. Она погладила его по бородатой щеке и, внезапно для самой себя, легонько укусила его за нос. Санта подскочил, опираясь на локти, и, выждав мгновенье, одной рукой обнял Элеонору и повалил ее на себя. Им были чуть меньше двух тысяч лет, но они были так влюблены друг в друга, будто им было каких-то пятьсот лет. Элеонора мягко стукнула Санту в плечо, а тот лишь покрепче сжал ее в своих объятиях. – С Рождеством.

– Святые угодники! Это сегодня! - обрадовался Санта, отпустив Элеонору, которая вдруг погрузилась. Он отодвинул ее от себя, встал с кровати и раздвинул шторы.

Солнечный свет, преломляясь в сосульках, висевших прямо над окнами, пробежался по комнате и остановился на очках миссис Клаус, которая успела накинуть на себя особый праздничный халат и надеть эти самые очки. Санта довольно потянулся, наблюдая за тем, как мир осенился, встретив первые лучи Рождественского утра.

– Элли, ты давно проснулась? - поинтересовался Санта, снимая колпак и вешая его на край изголовья кровати. Он так же, как и его жена, надел очки, внимательно посмотрел на нее, поглаживая пышную седую бороду. Элеонора покачала головой, как бы отвечая, что встала совсем недавно. – Хорошо, тогда завтрак сейчас на тебе, я пойду, проверю Рудольфа, вчера он был очень слабым, нельзя допустить, чтобы сегодня это повторилось. – Попутно натягивая на себя рубашку.

Элеонора молча подошла к Санте, протянула морщинистые руки к пуговицам, которые она сама и пришивала, и начала аккуратно застегивать их. Её пальцы ловко скользили по ткани, быстро справляясь с каждой новой петелькой. Затем, остановившись на последней пуговице прямо перед воротником, поправила края рубашки. Элеонора улыбнулась.

– Может, в этом году не стоит напрягать бедного Рудольфа?

– А кого тогда напрячь?

В спальне супругов повисло неприятное молчание, в котором было слышно, как внизу, на первом этаже дома, кто-то активно занимается готовкой или уборкой на кухне. Эльфы встали пораньше и сразу начали работу: одни подготавливали ингредиенты для завтрака и печенья, которое миссис Клаус делает каждый год, а другие подметали пол и разглаживали костюм Санты, - работа

шла, и довольно успешно. Элеонора отпустила воротник Клауса, быстро поцеловала его в бороду и отвернулась, собираясь выйти из комнаты, чтобы не расстраивать мужа.

– Никого. И самому бы не стоило напрягаться, - сказала она напоследок, захватила махровое полотенце с пряничным человечком и вышла из спальни.

Если честно, Элеонора никогда не любила Рождество. Еще до замужества, этот праздник встречался с тоской и скукой, она никогда не ждала чуда и никогда не загадывала желание в эту ночь. Элли всячески не хотела связывать себя с этим праздником (она даже не просила и не получала подарков в этот день), однако она влюбилась в самого Санту Клауса, он в нее, а затем они сыграли свадьбу. И теперь, самое ненавистное торжество года стало ее работой и смыслом жизни. Встречая старость с любимым человеком, Элеонора ожидала большой ответственности, но не ожидала, что эта ответственность будет не только за собственную семью, но и за весь мир. Пока Элли была молода, она часто помогала Санте с его делами, но никогда от нее не требовалось выполнять что-то сверх нормы, делать работу Санты за него. Теперь же, когда Элеонора много лет носит фамилию главного чудесника, она не может не делать хотя бы часть тех дел, что делает Санта. И сегодня работа преумножалась и становилась самой сложной.

Закончив утреннюю рутину, миссис Клаус стояла перед зеркалом в ванной и поправляла свое рождественское платье. Каждый год одно и то же, но постоянно будто новое. Красный, больше бордовый, бархат струился вниз от талии к ногам, скрывая все излишки старости за чудесным кроем и силуэтом. Миссис Клаус всегда старалась быть красивой в этот день, ради мужа, конечно же. Она накинула на плечи

белоснежный полушубок и поправила черный лаковый пояс. Её волосы всегда были заплетены в слабый пучок, так что Элеонора даже не стала переделывать свою прическу. Когда старушка начала переобуваться в свою зимнюю теплую обувь, она вдруг поймала себя на мысли, что единственное и самое хорошее в этом празднике – это сборы.

– Доброе утро, миссис Клаус! – эльфы любили ее, поэтому каждый день встречали ее хором и с большой радостью.

– Тесто, яйца, маргарин, сахар и корица уже на столе.

– Вам чем-нибудь помочь, миссис Клаус?

– Мы можем испечь печенье, пока Вы оформляете список!

Голоса звучали наперебой, а Элеонора, уныло окинув взглядом эльфов в нарядных костюмах, покачала головой, отказываясь от помощи. Она молча прошла за свое обыкновенное рабочее место – кухонный стол, - и приготовилась делать завтрак Санте, когда он вошел в кухню. Нос, покрасневший от мороза, борода, припудренная снегом, и его большая уютная кофта из овечьей шерсти, которую он носил только дома, - всё напоминало о том, что сейчас самая любимая пора этого старика. Клаус светился от счастья, предвкушая очередное лучшее Рождество. Но, встретившись с женой взглядами, улыбка сползла с его лица, Санта немного напрягся и от неловкости даже опустил глаза вниз.

– Я поем с эльфами, сделай на всех, пожалуйста. Нам нужно обсудить много дел, - с ноткой грусти проговорил мистер Клаус. Он прекрасно знал свою жену и прекрасно понимал, каково ей сегодня, однако обиды и какого-то разочарования скрыть не мог. Принять факт, что Рождество – нелюбимый праздник любимой женщины, значит предать самого себя.

Некоторое время спустя, свежее молоко, особый праздничный омлет, оладья, а также хрустящий бекон – все любимые блюда Санты, стояли в количестве десяти штук перед каждым членом их большой семьи. Один Санта, одна Элеонора и восемь маленьких эльфов, которые были самыми главными на этом празднике. Помимо Санты, конечно. Они спокойно завтракали, размахивая своими маленькими ножками под столом, неаккуратно, но очень старательно разрезая омлет, и слушали Санту Клауса. Он, параллельно поглощению пищи, объяснял всем эльфам, и заодно самому себе, ежегодный план действий. Элеонора с абсолютным безразличием пила кофе и ковырялась вилкой в своей тарелке. Она в очередной раз доказала себе, что Рождество – самый худший день в году. Даже особый омлет теперь не приносит радости.

– Элеонора, ты с нами? – как-то грозно окликнул ее Санта, сжимая в своей ладони стакан молока. Он быстро пробежался глазами по лицу жены, ее тарелке и рукам, которые незаинтересованно держали вилку и кружку. И в очередной раз сделал вид, что всё в порядке.

– Ох, да, милый. Я с вами. Просто задумалась о том, как много посуды придется перемыть.

– Мы Вам поможем, миссис Клаус! – инициативно закричали эльфы, вскакивая с мест и кружась вокруг стола. Их маленькие пальцы тянулись к грязным тарелкам, стаканам, вилкам, но их было куда больше, чем рук у восьмерых помощников.

Элеонора раздражённо наблюдала за ними, а когда один из них качнул ее стул, пролетев мимо с тарелкой недоеденного омлета, её терпение кончилось, как и кофе в ее кружке. Он просто оказался у нее на платье. С виду милая старушка с

сильной злостью поставила кружку на стол и резко встала из-за стола. Переведя дух, Элеонора с мольбой посмотрела на мужа.

– Так, ребятня, давайте по позициям. И, Колокольчик, проводи миссис Клаус до комнаты, подожди, пока она переоденется, и заberi платье в стирку. Я могу доверить это только самой главной швее. – Глаза Колокольчик в этот момент загорелись множеством искр, и она, довольно качая головой, подбежала к миссис Клаус, стоявшей в своем грязном платье, и коснулась ее руки. – Элеонора, душа моя, прошу. Просто дай шанс Колокольчик.

– Хорошо, – недовольно процедила разочарованная Элли, и смело взяла эльфийку за крохотную ладошку. Это было что-то необъяснимое для нее самой, но это был первый раз, когда Элеонора позволила эльфу ухаживать за ней. Раньше, сквозь сильное нежелание, ухаживала за ними именно она. На секунду миссис Клаус стало очень приятно, а потом он вспомнила, по какому поводу за ней ухаживают, и радость как рукой сняло.

– Мэм, вот, примерьте! Должно подойти... – Колокольчик протянула Элеоноре ушитый брючный костюм Санты, который он благополучно испортил, а затем отвернулась. Такой же, как у мужа, только ее размера. Мягкий, невероятной теплый и ужасно рождественский. Скинув платье и переодевшись в костюм, Элеонора, прежде чем ушла эльфийка, успела немного сконфуженно сказать:

- М-м-м, спасибо. Спасибо, Колокольчик. Оставь меня тут, хорошо? Скажи Санте, что печеньем займусь позже. – Оставшись одна, миссис Клаус прошла в свою уютную гостиную, где по обыкновению проводила каждый час

свободного времени. Здесь всё было расставлено так, как хотела её старческая душа: вязаные фигурки котят и оленят, большие носки для подарков на камине, у кресел, предназначенных специально для них с Сантой, располагались любимые книги и стопка писем от детей. В комод у стены покоился самый важный атрибут этого дня и самая важная работа Элеоноры. Мешок и список детишек. Рождество Элеоноры проходило за оформлением и корректировкой списка, в который входят все самые послушные дети. Свернутый пожелтевший пергамент с именами хранился в коробочке с кодом, который не знал никто, кроме Элеоноры. Даже Санте нельзя было говорить эти цифры, ведь он спокойно может разболтать их кому угодно и не заметить. Элеонора осторожно ввела код, забрала свиток и села в свое кресло. Очки сползли на нос, и, потянувшись пальцами к ним, Клаус сдвинула их почти к самым бровям, дабы разглядеть все имена. Снарядившись карандашом, старушка аккуратно перечеркивала, выделяла и добавляла имена в список. Всё было предельно просто: точка в конце имени – заслужил подарок, перечёркнутое имя – не заслужил. Но и такая лёгкая работа давалась Элеоноре очень тяжело. Минуты, а затем часы, тянулись так долго, что миссис Клаус под конец становилась совсем обозленной на этот день.

- Зорге Фрида. Конец, - констатировала Элеонора, вслух перечитав последнее имя. Она быстро свернула список, заложила его обратно в тайник и встала с кресла, чтобы положить все на место. В глазах даже потемнело.

Санта Клаус провел своей большой, но очень мягкой ладонью по шерсти оленя. Рудольфу явно нездоровилось: он не хотел есть, не хотел пить, даже не хотел общаться с Сантой. Всегда дружелюбный олень сегодня был унылее видов за

окном. А там были голые Лапландские скалы, обрамленные снегом лишь на самой верхушке. Старик задумчиво накрутил волоски из бороды на палец. Пока он стоял здесь и не мог определиться, что делать с несчастным оленем, время шло. К десяти часам вечера уже нужно было улететь.

- Санта? – постучав в дверь, Элеонора зашла внутрь стойла. Она остановилась у перекладины и облокотилась на нее, рассматривая оленя. Он, как ни странно, был самым не любимым из всей упряжки. Потому что даже весной Элли знала: Рудольф – равно Рождество. Ее пальцы неестественно вывернулись от напряжения, поразившего все тело. Миссис Клаус не могла скрыть того, что ей неприятно тут находиться. Санта обернулся на ее голос, проводил взглядом до перекладины и снова посмотрел на Рудольфа.

- Не знаю уже, что и делать. Мне нужно собираться и ехать вместе с ними в мастерскую. Надо начинать складывать подарки... Ты едешь?

- Любимый, я думаю...

- Я принимаю это, Элеонора. Честно. Но не понимаю. Бог с ним, с этим Рождеством, - Санта все еще смотрел на оленя, не поворачиваясь к жене, - Но Рудольфу плохо.... Разве тебе и на него всё равно?

Элеонора приподняла бровь, подумав, какую оплошность она допустила. Её муж знает, принимает и не пытается заставить полюбить этот день. « Господи, какая я дура, что надеялась скрыть это столько лет.»

- Извини, ты прав. Мне не всё равно. И я хотела сказать, что думаю, что успею допечь печенье и поехать с тобой. - Миссис Клаус мягко дотронулась до плеча Санты, он положил свою

крупную ладонь на ее и так они простояли, молча наблюдая за болезненным оленем, некоторое время. Элли вдруг освободилась от руки Санты, и, все еще придерживаясь, попыталась присесть на корточки. Старость давала о себе знать в такие моменты, и у Элеоноры получилось грациозно упасть, а не присесть. Мистер Клаус, испугавшись, присел на колени рядом, помогая жене занять удобное положение.

- Спасибо, да. Знаешь, он не выглядит так, будто заболел...

- Но так и есть, - пожал плечами Санта, уже поднвисб на ноги. Он собрался уйти, протянул руку Элли, но она качнула головой:

- О, нет, я посижу еще. Увидимся у саней,- одарив Санту милой улыбкой, старушка с этой же улыбкой посмотрела на Рудо. – И что же с тобой приключилось?

Вопрос, естественно, был риторический. И, естественно, Рудольф даже не посмотрел на Элеонору. Она лучше смяла сено под коленями, чтобы сидеть было мягче, и медленно прилегла в углу, опираясь на стенки стойла. Рудольф сопел большим и мокрым носом, словно пес, дергал ушком и шевелил ресницами - он так чутко спал, казалось, сквозь сон прислушиваясь к каждому шороху.

Наверное, единственное, в чем за сегодня была права Элеонора, так это в том, что олень и впрямь не был болен. Точнее, был, но не обыкновенной болезнью. Его ничто не беспокоило, наоборот, он казался таким равнодушным, и уж тем более ничего не болело. Олень просто лежал в своем стойле и не мог пошевелиться, словно у него не было сил на это. Миссис Клаус слишком долго рассматривала его, но так и не смогла понять, в чем дело. На выходе из стойла, женщина была совсем опечалена состоянием еще одного члена семьи, и

в таком настроении отправилась печь печенье. Ей не удавалось сделать все самой: Элеоноре не было дело до сладостей, всё валилось из рук, и настроение на готовку не было.

Сегодня удивительно плохой день. Первая причина была понятна, вторая же заключалась в том, что миссис Клаус начала принимать помощь от эльфов, а это совсем не в её стиле. Она делала это вынужденно, из-за ее рассеянности при готовке и неаккуратности самих эльфов утром. А потому такая помощь была крайне неприятна. Пока на кухне шла упорная работа над печеньем, Элли сидела за столом, пила чай и изредка руководила процессом. Руки всё еще были напряжены, а ощущение, что из-за этой напряженности в самих суставах, разгладились морщины, было таким ясным.

- Колокольчик, - окликнула из всех эльфов самую приятную старушка. Она приложила к губам еще теплые края кружки и сделала громкий глоток, потом еще и еще, а как только Колокольчик приветливо улыбалась, стоя у стола, продолжила, - Как думаешь почему оленю может быть плохо?

- О... Миссис Клаус, я простая швея, а не спец по оленям... Я... Не знаю, - заикаясь, постаралась ответить маленькая эльфийка. Она сжала руки в замок за спиной и опустила глаза вниз. Элеонора снова вспомнила, почему не любит эльфов. Они все делают одинаковые движения, когда смущаются. И всегда боятся ответить «неправильно» или не угодить Клаусам. Те, что не жили в одном доме с супрагми, раздражали подобным поведением еще больше. Миссис Клаус поджала губы и опустила кружку на стол.

- Это не экзамен, дорогая. Просто скажи, как тебе кажется.

- Ну... Он может быть голоден.

- Вот, умница. Иди, вытаскивай противень, иначе печенье сгорит. Бант, ты занят? – Элеонора нашла в толпе эльфов самого старшего и попыталась улыбнуться. Бант же не ответил на улыбку и, хмурясь, еле дошел до стола.

- Да, мэм?

- Почему олень может чувствовать себя плохо?

- Вы могли забыть поиграть с ним, мэм. – Бант незаинтересованно посмотрел Элеоноре прямо в глаза.

- Можешь не переживать, Санта играет с ним чаще, чем ты можешь представить. Он почти живет в стойле. Но спасибо. Снежинка?

Снежинка вынырнула из хлопочущих над тестом эльфов и подбежала к Элеоноре. Она была самой энергичной из всех, самой амбициозной, наравне с еще одним эльфом, Ветерком, оба рвались перейти из мастерской напрямиком в дом Клаусов. И теперь они здесь.

- Миссис Клаус! Я слышала вопрос, думаю, что оленю может быть не по себе из-за холода! – амбициозной, не не самой умной.

- Спасибо. Ветерок, что думаешь?

- Миссис Клаус, наверное, ему тут наскучило. Такое ведь может случиться. Он любит Санту, я уверен, но нельзя же всю жизнь торчать в одном месте и несколько раз в месяц выбираться на волю. И лишь раз в году улетать с Сантой...

- О, Ветерок, в таком случае я так понимаю Рудо...

- Рудо?! Рудольф болен?! – у кого-то выпал поднос, тарелка и кажется парочка венчиков. Элеонора, которая в этот момент собиралась сделать очередной шумный глоток, поймала на себе как минимум четыре пары зорких глаз. Спокойно опустив почти пустую кружку, миссис Клаус сделала глубокий вдох, наблюдая за тем, как эльфы распереживались.

- Да. Мне, видимо, не стоило этого говорить вам, но Санта считает, что Рудольф заболел. Он доверяет вам и обязательно бы сказал сам, если бы все вышло из-под контроля. Но все в порядке. И вам не стоит беспокоиться, - старушка допила сой чай, встала из-за стола, протянула свою чашку эльфу и добавила, - Я вам тоже доверяю. Поэтому сейчас вы печете мое печенье. Я не хочу, чтобы вы думали, что я на вас злюсь или пользуюсь вашей добротой, потому что это не так. Мне не нравится принимать от вас помощь, да. Но я благодарна. И сейчас, пожалуйста, продолжите то, что начали. Спасибо.

Элеонора повернулась в сторону главного выхода из дома, поправила свой полушубок и закрыла глаза от усталости. День явно не собирался становиться лучше.

- И да, с Рождеством, - напоследок кинула миссис Клаус, а после за ней хлопнула дверь. Она успела захватить еще большую куртку, в которой бы точно не замерзла в такой мороз, и, надевая ее, обратила на внимание на входную дверь.

« Мистер и Миссис Клаус. Резиденция Санты Клауса. Дом эльфов и оленей. Место, где живет Рождество».

- Что ж, - вздохнула старушка, застегнув последние пуговицы теплой одежды. Что-то заставило табличку съехать немного вбок, соответственно покосить всю композицию

украшения. Рождественский венок был наклонен и почти перекрывал надпись, и, заметив это, миссис Клаус быстро поправила его и табличку. – Дожили. Украшения подправляю...

- А еще говоришь сама с собой, - слышалось из-за спины. Элеонора, как настоящая бабушка, что-то пробурчала голосу в ответ, но обернулась на него совсем без слов. Санта, пряча руки от холода в карманы, стоял напротив двери совсем без лица.

- Ты в порядке? - чувства взяли вверх над атмосферой усталости и раздражения, и Элеонора подошла к мужу, заключая его в теплые объятия. Тот приобнял ее одной рукой, положив бородатую голову на ее макушку.

-Нет, то есть да. То есть, не совсем... Я не знаю, Элли! – Санта так тяжело сглотнул слюну, что вдавил свой подбородок в темечко Элеоноры, но та даже не пошевелилась.

- Тш-ш... Я знаю, я тоже. Просто вдохни и выдохни. Ты чего, старик, я впервые вижу тебя таким. Да еще и в Рождество.

- Я боюсь, что ты была права. Мне и в самом деле пора перестать напрягаться. У меня все равно уже не получается. Видишь это? - он кивнул в сторону заходящего за горизонт солнца и темного сумеречного неба, озарившегося северным сиянием. Ещё слабее, чем обычно. И куда более некрасивым.

- Санта... - Элеонора понимала, что это значит. Северное сияние – удивительное природное явление, которое каждый раз, как первый, поражает своими масштабами, динамичностью и красотой. Но это для обычных людей. Для тех, кто ответственен на праздник, северное сияние – показатель духа Рождества. Супруги замечали изменения каждый год. Всё чаще, северное сияние запаздывало с

появлением, становилось тусклее и страшнее. Праздничное настроение покидало жителей планеты, но Санта никогда не сдавался. Элеонора понимала, что когда-нибудь северное сияние станет еле заметно. Но не думала, что это произойдет так внезапно. Что-то колючее сжалось у нее внутри. Тревога своими когтистыми лапами поскреблась об душу и засела глубоко в ней. В голове будто закрутился игрушечный механизм – шестеренки завертелись, поршни сжались, и миссис Клаус поняла.

- О, нет. Нет, нет, нет, нет... - Элеонора отстранилась от Санты. Она в панике закружилась вокруг него, и, быстро вдыхая и выдыхая воздух, проговорила еще раз, - Нет. Нет.

- Что? – Санта с опаской посмотрел на жену, которая металась из стороны в сторону. Приоткрытый рот и вскинутые седые брови говорили о том, как мистер Клаус запутался.

- Я знаю, Санта! Боже, я так виновата.... Пошли, пошли же скорее, - резко дернув мужа за рукав, старушка двинулась к двери дома и вбежала внутрь. Она быстро скинула с себя куртку, а после схватила первого попавшегося эльфа на руки и скомандовала, - Включай любимую музыку Санты и говори всем, чтобы собирались тут. Делайте все то, что обычно. Мы будем провожать Санту в путь. – Эльф, находясь в полном недоумении, был опущен вниз. Он рассказал план остальным, и в доме вновь заиграла жизнь. Элли уже было не остановить. До нее дошла такая простая истина, что теперь ей стало стыдно – как она не додумалась раньше.

Мистер Клаус неторопливо снимал куртку, садился на диван в общей гостиной и разглаживал мешок, который вдруг оказался у него на коленях вместе со списком детей. Он был

так равнодушен ко всему, что происходило вокруг. Борода была неопрятно примята ветром и снегом, отчего Санта выглядел еще более уныло, чем был на самом деле. Эльфы кружились вокруг него, на весь дом играла самая любимая рождественская песня старика – эту песню для него записывала Элеонора вместе со всеми эльфами, которые работают в мастерской и здесь.

Санта Клаус – прирожденный танцор. Он искусно чувствует музыку, ритм и такт, потому двигаться под мелодии – любимое занятие, после подготовки к Рождеству и путешествии к детям. Мужчина обожает перед отправкой из Лапландии танцевать, пока собирается. Эльфы мешаются под ногами, а Элеонора то и дело поправляет его костюм и смеется над ним. Мешок давно наполнен подарками и сладостями, олени накормлены и вымыты, а сани потихоньку начинают запрягаться. Так случалось всегда, но не сегодня.

Элеонора суетилась в поисках различных атрибутов Рождества, которые создавали привычную уютную праздничную атмосферу в доме Клаусов. Упаковки, обертки, листья омелы, шарфы и свитера маленьких размеров для эльфов - абсолютно любая мелочь летела из ящика, стоящего неподалеку от кухни. А Санта в этом рождественском бардаке был невероятно печален. В его голове творилось что-то необъяснимое для него самого, потому что ни один его долгой жизни не был настолько плох. Год за годом, день за днем мистер Клаус был готов к Рождеству, но сегодня...

- Ветерок... Постой, - Санта остановил эльфа, дотронувшись до его крохотного плеча. Ветерок с нежностью посмотрел на старика и надел на его голову его «рабочий» колпак.

- Мистер Клаус, улыбнитесь, Рождество ведь.

- Ветерок, я... Я должен с тобой поговорить.

- О чём, Мистер Клаус, Вам стоит пойти и начать одеваться...

- Ветерок! - воскликнул Санта, немного сильнее сжав плечо эльфа. Он опустил руку и положил ее на живот, как что-то инородное, будто эта рука не была его собственной. – Я не хочу. Скажи Элли, что я не поеду сегодня.

Услышанная информация будто ошпарила Ветерка кипятком. Его длинные уши приподнялись, ладони покрепче сжали какую-то красно-золотую ленточку, а капелька пота моментально выступила на его лбу. Он переосмысливал услышанное, не решаясь сказать и слова.

- Хорошо, тогда я сам ей скажу. Элеонора! – Санта даже осмелел. Прибавилось уверенности и энергии, ведь он хотел сделать то, чего искренне желал сейчас. Вставая с дивана, Клаус искал в этой какофонии голосов и звяканья посуды свою жену. Она стояла, согнувшись и опираясь на стену, чтобы не упасть, и продолжала искать самые разные предметы. Санта на вдохе дотронулся до ее плеча, а на выдохе уже отпустил руку виз.

- Да, любимый? – Элли снова улыбнулась своей обыкновенной лучезарной улыбкой, которая, не смотря на морщинки, всегда была приятна глазу. Старушка выпрямилась, кротко поцеловала мужа в щеку и вопросительно приподняла бровь. – Скоро будем собираться, верно?

- Элеонора, я... - он взял ее за руку и наклонился к ее уху, щекоча ключицу бородой, чтобы говорить намного тише,- Я

не хочу. Я не поеду и не буду праздновать Рождество в этом году.

Санта выглядел сильно смущенным произнесенными словами, но отстранившись от жены, даже не пытался увести глаза в сторону.

- Поднимемся тогда в спальню? Полежим, почитаем, поговорим. Можешь поспать. Что хочешь,- Элеонора незаметно прикрыла ящик и махнула эльфам, которые с любопытством наблюдали за ними за их спинами, что все под контролем. Ведь так и было.

- Я.. Да. Давай. Я совсем не против,- слабо улыбнулся Санта и пошел к лестнице, не дожидаясь миссис Клаус. Пока он поднимался, без эмоционально провожая взглядом гостиную, в его голове появилась мысль, что происходит очень удивительное событие. Подумать только, Санта не поедет раздавать подарки.

Миссис Клаус быстро, чтобы муж не обратил внимания, хоть добиться сейчас этого было слишком сложно, подбежала к Колокольчик и присела перед ней. Посмотрев глубоко в глаза малышке, Элеонора взглядом указала на лестницу и второй этаж, а эльфийка плавно кивнула.

Санта остановился у двери в их с миссис Клаус спальню и вдруг почувствовал необъяснимо-приятный запах. Кажется, пахло омелой, снегом и печеньем. Старик улыбнулся, почувствовав как в животе, под солнечным сплетением, стало немного теплее. А после устремил взгляд к окну, за которым лежал этот самый снег, под потолком висела та же омела, а где-то в небольшой гостиной супругов стояло печенье. Чувство радости внезапно пропало. Элеонора вдруг

тронула мужа за руку и повела за собой в их уютное семейное гнездышко.

Открывая дверь, перед Сантой открылось нечто удивительное и очень простое одновременно. В спальне, над кроватью, висели самые любимые открытки, которые отправляли дети, на покрывале лежал теплый красный плед и небольшая вязаная игрушка в виде Рудольфа, с таким же красным носом, а на каждой тумбочке стояло по одному небольшому блюдцу, где лежало печенье. Другое, не то, что за Элеонору приготовили эльфы, а то, что она сама сделала, а Санта попросту не заметил, увлеченный своей хандрой. Санта приоткрыл рот, ведь такого он очень давно не видел. Элли не любила украшать спальню, потому что это было единственное место, где она могла ждать мужа и конца этого ненавистного дня. А теперь спальня казалось самым простым и потому самым рождественским местом в доме. Что-то вновь начало загораться внутри Санты, какая-то искорка, как бенгальский огонь, это чувство рассыпалось на миллион других искорок, постепенно добираясь до головы. Мужчина прошел внутрь комнаты и присел на край кровати, взял в руки игрушку и с нескрываемым восторгом посмотрел на Элеонору. Она прикрыла дверь, предполагая, что длинные уши эльфов просунуться в щелку и услышат все, что происходит там. А после встала перед Сантой, прикрывая собой самый главный сюрприз.

- Дорогая, ты ведь... Я не то, чтобы против.... Ну, то есть, очень рад, только это так неожиданно.... Всё так непривычно,
- Санта не успевал цепляться за эмоции, которые испытывал, потому тараторил все и сразу.

- Да, понимаю. Сюрприз! – рассмеялась Элеонора, а потом в момент стала очень серьезной. – Я ненавижу Рождество,

Санта. Ты знаешь, я знаю, даже эльфы знают. Я уверена, что и Рудо на подсознательном уровне понимает это. Но я люблю тебя. И люблю все то, что ты делаешь, хоть это немного парадоксально. Сегодня я поймала себя на мысли, что кроме сборов утром ради тебя, кроме работы над всем этим ради тебя, меня радует, что ты, Санта Клаус, можешь делать мир счастливее. Я хочу, чтобы мое Рождество было связано с тем, как ты радуешь мир. Я хочу получать на следующее утро письма с благодарностями от детей, потому что это сделал ты. И я готова даже полюбить Рождество, лишь бы ты остался тем самым волшебником, который еле помещается в дымоходной трубе, хотя мог бы пройти через входную дверь, и который не доедает печенье, оставленное детишками. Хочу, чтобы ты дарил подарки и улетал с оленями на всю ночь, лишь бы мир в этот день стал волшебнее. – Элеонора отошла в сторону, открывая Санте обзор на его главный костюм. – И единственный подарок, который мне нужен, чтобы ты надел эту шубу, колпак и завязал шнурки покрепче, потому что тебя ждет очень долгая ночь.

Зеленовато-синий свет разливался по всему черному небу, а маленькие незаметные искорки становились незаметными на фоне этого сияния. Дух Рождества. Вот, в чем было дело. Элеонора никогда не понимала это чувства, относилась к рассказам Санты об исчезновении духа Рождества и северного сияния скептически. Проживая на краю Лапландии, миссис Клаус давно привыкла не замечать природные особенности этой местности, поэтому уже очень долгое время не поднимала глаз на ночное небо.

- Ты всё собрал? – Элли похлопала ладонью по большому плечу Санты, стряхивая с него снег. Все десять обитателей дома, а также олени, стояли около саней, наполненных

мешком и выпавшими из него подарками, готовясь к отправке Санты. Рудо стоял в самом начале упряжки и весело рыл копытом снег, подсвечивая себе красным-красным носом, который вновь стал светиться.

Мистер Клаус беседовал с самым старым эльфом, решившим уведомить о погоде, примерном времени полета и температуре воздуха в небе. Он отвлекся на жену, любуясь её, впервые за долгое время, искренне счастливым лицом. Старик кивнул на вопросы эльфа и подошел к ней. Обняв её одной рукой, Санта стал гладить Элеонору по спине.

- Да, всё. Точно не хочешь поехать?- он ласково посмотрел на женщину и по-доброму рассмеялся, заметив, какое красное у нее стало лицо. – О, нет, дорогая, мороз тебя не любит.

- Я бы и не согласилась, Санта, - подхватив смех мужа ответила Элли. Она щелкнула по большому носу Санты и поцеловала его в щеку. – Отправляйся уже, у нас много дел,- произнесла она с улыбкой.

Элли не сразу поняла, в чем было дело. Для неё сегодняшнее Рождество было обыкновенным с самого утра, однако после...

- Ну, что, жена меня прогнала, значит, самое время ехать! – сквозь хохот громко сказал Санта, обращая на себя внимание эльфов и вырвав жену из раздумий. – Миссис Клаус слушаться, в стойле убратся, печенье оставить мне, спать ложится рано. Поняли?

- Да, Санта Клаус!

- Отлично. Элли, - он снова подошел к старушке, взяв мягкими варежками ее ладони. Он расцеловал каждую

морщинку на руках Элеоноры и улыбнулся. – Такая счастливая, неужели полюбила Рождество?

- О, нет, Санта, не дождешься.

- В таком случае, с Рождеством, дорогая! С Рождеством, мои малыши! С Рождеством! - Санта запрыгнул в свои сани, резко потряхнул поводьями, чтобы тронуть оленей с места. С грохотом копыт, сани начали разгоняться по гладкому лапландскому снегу, а после, стали набирать высоту. Санта уже на большой высоте помахал рукой своей семье и сверкнул яркой точкой, стремительно улетев в небо.

- Миссис Клаус, с Рождеством! – повторяли эльфы, по очереди заходя домой. Когда никого рядом не осталось, Элеонора, убрав замерзшие ладони в карманы куртки, все еще продолжала стоять на своем месте, осматривая просторы неба.

После у Элеоноры не было никаких сомнений, что что-то случилось. Нос Рудольфа никогда прежде не переставал светиться. Он был как настоящий маяк, и часто раздражал миссис Клаус этим. А Санта никогда не смотрел на жену с таким недовольством, как это было за завтраком. И уж тем более не позволял себе хотеть не ехать к детям. Он знал, что это большая ответственность, которая лежит только на его плечах, так что не было такого года, что уж там, дня, когда Санты переставал грезить о Рождестве и доставке подарков. Понимала ли Элеонора, что все сломалось в этом году из-за неё? Да. Знала ли, почему это произошло сейчас?

Догадывалась. Она была крайне раздражена с самого утра, мало общалась с эльфами и даже не пошла с мужем в мастерскую, хотя каждый год буквально заставляла себя это делать. Но начала ли она любить Рождество после своей

помощи Санте, да и, в общем-то, всему человечеству?
Определенно нет.

- С Рождеством, Санта, - прошептала миссис Клаус уже на пороге своего дома, а затем закрыла за собой дверь.

Конец.